

НИНА АГАФОНОВА (Тарту)

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В СМЕШАННЫХ ЭРЗЯ-МОКШАНСКИХ ГОВОРАХ

В современных финно-угорских языках, в том числе и мордовских, различаются две группы местоимений: первостепенные и второстепенные (используются термины К. Е. Майтинской (1979)). К первой группе относятся личные, указательные и вопросительные, которые имелись уже в финно-угорском языке-основе. Вторая группа в мордовских языках представлена следующими разрядами: усилительно-личные, счетно-личные, определительные, неопределительные, возвратные и притяжательные. Все разряды второстепенных местоимений возникли после разложения языка-основы (Майтинская 1979 : 187) на базе первостепенных в результате 1) сложения одного прауральского местоимения с другим, 2) осложнения местоимения суффиксальными и префиксальными элементами, 3) проминализации неместоименных слов, 4) заимствования местоимений из других языков.

Автор делает попытку проследить формирование системы личных местоимений в смешанных говорах мордовских языков сел Лопатино (эрзянская основа), Узюково, Верхнее Санчелеево, Подстепки (мокшанская основа) Ставропольского района Куйбышевской области. Местоименная система описываемых говоров богата разнообразием форм. В одном и том же говоре в парадигме склонения можно выявить как мокшанскую, так и эрзянскую форму местоимения. Личные местоимения, как и местоимения других разрядов, в исследуемых говорах развились в результате тесного контактирования двух близкородственных языков и длительной изолированности носителей данных говоров от основной массы мокши и эрзи. Из-за специфического периферийного развития в рассматриваемых говорах отсутствует влияние эрзянского и мокшанского литературных языков.

К. Е. Майтинская делит мордовские личные местоимения на два разряда: 1) личные местоимения, происходящие от местоименных корней (собственно-личные), и 2) личные местоимения, происходящие от неместоименных корней (1964 : 47). К собственно-личным относятся *mon* 'я', *ton* 'ты', *son* 'он', *miñ* 'мы', *tijn* 'вы', *siñ* 'они'. Личные местоимения ед. ч. *mon*, *ton*, *son* восходят к общефинно-угорским архетипам, но отличаются от последних по вокализму (Майтинская 1964 : 48).

По поводу личных местоимений мн. ч. мнения расходятся. К. Редей и И. Эрдей, например, *tijn*, *miñ* относят к лексическому слою уральского происхождения (Редей, Эрдей 1974 : 398—399). К. Е. Майтинская считает, и не без основания, что окончательно определившихся личных местоимений мн. ч. в финно-угорском языке-основе еще не было (1979 : 188). Они — результат более позднего образования и отлича-

ются от личных местоимений ед. ч. лишь заменой гласного переднего ряда гласным заднего ряда и палатальностью конечного *n*.

В исследуемых говорах интересна акциденция (словоизменение) местоимений, существенно отличающаяся от таковой в мордовских литературных языках. Особенности местоименных форм выявляет сопоставление в этом плане данных говоров между собой и с мордовскими литературными языками (см. парадигмы).

Сравнение показывает, что форма номинатива местоимений *tijn*, *siñ* во всех анализируемых говорах (как с мокшанской, так и с эрзянской основой) имеет эрзянскую огласовку. Такое явление наблюдается и в отдельных мокшанских говорах (Бабушкина 1966 : 127; Липатов 1977 : 32).

Генитив 2 л. ед. ч. в говорах Подст. и Лопат. имеет форму *toñt* с посессивным суффиксом, где *n* — показатель генитива, восходящий к финно-угорскому генитиву *n (Майтинская 1974 : 237—241), а *t* — лично-притяжательный суффикс 2 л. ед. ч. (Цыганкин 1978 : 35). Такая же форма генитива 2 л. ед. ч. наблюдается в говорах верховец р. Черемшана Татарской АССР (Тураева 1973 : 11), в нижнепьянском диалекте (Надькин 1968 : 160), в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка (Ермушкин 1968 : 339) и в некоторых говорах на территории Мордовской АССР (Бубрих 1930 : 33—35). В говоре Подст. спорадически встречается и форма генитива *toñ* без посессивного суффикса *-t*.

Для 3 л. ед. ч. в говорах В. Санч., Узюк., Подст. наличествует в генитиве мокш. *soñ* 'его' без посессивного суффикса. Параллельно встречаются эрз. *sondә* (Узюк.) и *sondzә* (Подст.). Лично-притяжательный суффикс *-ndә* (3 л. ед. ч.) характерен для многих эрзянских говоров Куйбышевской обл. (наблюдения автора), Татарии (Тураева 1973 : 83), а также говора с. Ичалки Мордовской АССР. В говоре Лопат. генитив 3 л. ед. ч. выражается двумя формами: *sondzә* и *ęsendzę* (*ęś* — препозиционное местоимение, *-ndzę* — посессивный суффикс 3 л. ед. ч.). Наличие *ęś* усиливает значение принадлежности (Цыганкин 1978 : 36).

Генитив мн. ч. личных местоимений имеет мокшанскую форму в 1 л. *miñ* 'нашего' в говорах В. Санч., Подст., спорадически в Узюк.; во 2 л. — *tijn* 'вашего' в говорах В. Санч., Узюк. (спорадически), в 3 л. — *siñ* 'их' в говорах В. Санч., Узюк., Подст. (спорадически). В говоре В. Санч. параллельно с формой 1 л. *miñ* встречается *miñf*. Она возникла путем присоединения к генитивной форме личного местоимения *miñ* морфемы определенности *-t*, которая является универсальным показателем определенности в мокшанском языке. Присоединение морфемы определенности как бы конкретизирует и усиливает семантику формы генитива 1 л. мн. ч. Известно, что в мокшанском языке во всех лицах ед. и мн. ч. генитив личного местоимения употребляется в исходной форме (Феоктистов 1963 : 24). По мнению Б. А. Серебренникова, мокш. *miñ* 'нашего', *tijn* 'вашего', *siñ* 'их' возникли по аналогии с соответствующими формами ед. ч. *moñ* 'меня', *toñ* 'тебя', *soñ* 'его' (1967 : 87). В говоре Узюк. для 1 л. мн. ч. преимущественно употребляется эрзянская генитивная форма *miñik*, для 2 л. — *tink*. Эрзянские формы 2 л. *tink* и 3 л. *siñst* характерны и для носителей говора Подст. Из сравнения видим, что в исследуемых говорах (с мокшанской основой) эрзянские формы стали употребляться наравне с мокшанскими, которые не различаются по грамматическому оформлению в номинативе и генитиве. Эрзянские формы генитива мн. ч. устраняют омоимию форм номина-

	В: Санч.	Узюк.	Подст.	Лопат.	эрс.	моқш.
Ном.	<i>mon</i>	<i>mon</i>	<i>mon</i>	<i>mon</i>	<i>мон</i>	<i>мон</i>
Ген.	<i>mon</i>	<i>mon</i>	<i>mon</i>	<i>mon</i>	<i>монь</i>	<i>монь</i>
Дат.	<i>mondi</i> <i>mondeñ(e)</i> <i>teñ</i> <i>ešteñe</i>	<i>monde</i> <i>mondeñ(e)</i> <i>te(je)ñ</i> <i>moñe(ñ)</i> <i>ešteñe</i>	<i>mondeñ(e)</i>	<i>mondeñ(e)</i>	<i>monieñ</i> <i>(mon) ešteñ</i>	<i>мондейне</i> <i>тейне</i>
Абл.	<i>ɣan</i>		<i>mondesa(n)</i>	<i>mondeñ</i>	<i>монден</i>	<i>мондедон</i>
Инесс.	<i>ɣəñ</i>		<i>ɣəñ</i> <i>mondestan</i> <i>testan</i>	<i>mon ɣə</i> <i>ɣs(n)ɣñ</i> <i>(mon) ɣstɣñ</i>	<i>моньсэнь</i>	<i>моньцон</i>
Элат.	<i>ɣan</i>		<i>mondezan</i>		<i>моньстэнь</i>	<i>моньцтон</i>
Иллат.	<i>(mon) langizən</i>				<i>моньзэнь</i>	
Пролат.	<i>(mon) langan</i>		<i>mondeška(n)</i>		<i>моньган</i>	<i>моньшкан</i>
Компар.	<i>(mon) ɣskan</i>		<i>mondeškan</i>	<i>monfemñ</i>	<i>моньшкан</i>	<i>моньфтомон</i>
Абесс.	<i>monfemən</i> <i>monštemen</i> <i>monfteman</i> <i>monfeme</i>	<i>monfemən</i>	<i>monfemən</i>	<i>monfemñ</i>	<i>моньтемень</i>	
Каузаг.	<i>(mon) inksan</i>		<i>mondiksan</i>			
Ном.	<i>ton</i>	<i>ton</i>	<i>ton</i>	<i>ton</i>	<i>тон</i>	<i>тон</i>
Ген.	<i>ton</i>	<i>ton</i>	<i>ton(f)</i>	<i>tonñ</i>	<i>тонь</i>	<i>тонь</i>
Дат.	<i>tondet</i> <i>tondete</i> <i>tejete</i> <i>teje(n)t</i> <i>eštete</i>	<i>tondet</i> <i>tone</i> <i>teje(e)ñ</i> <i>tef</i> <i>eštete</i>	<i>tondet</i> <i>tet</i> <i>istet</i>	<i>tonet</i> <i>tehet</i> <i>eštet</i>	<i>тонеть</i>	<i>тондейтъ</i> <i>тейтъ</i>
Абл.	<i>(ton) koʔazət</i>		<i>nangət</i>	<i>tonet</i>	<i>тондетъ</i>	<i>тондедот</i>
Инесс.	<i>(ton) ɣsət</i>		<i>tondesət</i>	<i>tonñ kisɣ</i>	<i>тоньсэтъ</i>	<i>тоньцот</i>

Элат.	(toñ) <i>ǵat</i>	<i>toñdestat</i>	ТОНЬСТЭТЬ	ТОНЬЦТОТ
Иллаг.	(toñ) <i>langəzət</i>	<i>toñdezət</i>	ТОМЪЭТЬ	
Пролат.	<i>toñ gořavat</i> <i>kořavat</i>		ТОМЪАТ	
Компар.	(toñ) <i>ǵškat</i>		ТОНЬШКАТ	ТОНЬШКАТ
Трансл.	<i>toñ lacə</i> <i>lacət</i>			
Абесс.	<i>toñštemet</i>	<i>toñjtəmət</i>	ТОМЪЕМЕТЬ	ТОМЪФТОМОТ
Каязат.	<i>toñjtəmət</i>	<i>toñjtəmət</i>		
Ном.	<i>son</i>	<i>son</i>	СОН	СОН
Ген.	<i>soñ</i>	<i>soñ</i>	СОНЭ	СОНЬ
Дат.	<i>soñnda</i> <i>soñde(je)nzə</i> <i>tejəndza</i> <i>ǵštejəndza</i> <i>ǵdanza</i> <i>soñ gořazanə</i>	<i>son</i> <i>soñ</i> <i>sonda</i> <i>soñde(nzə)</i> <i>soñda</i> <i>ǵštəndza</i> <i>te(je)ndza</i>	СОНЕНЭ	СОНДЕЙНЗА ТЕЙНЗА
Абл.			СОНЕНЭ	СОНДЕДОНЗА
Инесс.	(soñ) <i>ǵəndza</i>	<i>soñdesəndza</i> <i>ǵəndza</i>	СОНЬСЭНЭ	СОНЬЦОНЗА
Элат.	<i>ǵštəndze</i> <i>soñ ǵdində</i>	<i>soñdestəndza</i> <i>teštəndza</i>	СОНЬСТЭНЭ	СОНЬЦОНЗА
Иллаг.	(soñ) <i>langǵəndza</i>	<i>soñdezəndza</i>	СОНЬСЭНЭ	
Пролат.	(soñ) <i>langəndza</i>		СОНЬГАНЭ	
Компар.	(soñ) <i>ǵškəndza</i>		СОНЬШКАНЭ	СОНЬШКАНЭ
Абесс.	<i>soñjtəməndza</i> <i>soñštemənda</i>	<i>soñjtəmənda</i>	СОНЪЕМЭНЭ	СОНЪФТОМОНЭ
Каязат.	(soñ) <i>inǵəndza</i>	<i>soñdiksənda</i> <i>soñdiksəndza</i>		

	В. Санч.	Узюк.	Подст.	Лопат.	эрз.	мокш.
Ном.	<i>miñ</i>	<i>miñ</i>	<i>miñ</i>	<i>miñ</i>	<i>мишь</i>	<i>мишь</i>
Ген.	<i>miñ(t)</i>	<i>miñ(ik)</i>	<i>miñ</i>	<i>miñek</i>	<i>мишек</i>	<i>мишь</i>
Дат.	<i>miñde(je)ñek</i>	<i>miñdeñek</i>	<i>miñdeñek</i>	<i>miñeñek</i>	<i>мишенек</i>	<i>миңдейнек</i>
Абл.	<i>tejeñek</i>	<i>tejeñe(k)</i>	<i>teñek</i>	<i>teñek</i>	<i>тейнек</i>	<i>тейнек</i>
Инеcc.	<i>miñ gořazanäk</i>			<i>miñekžedešt</i>	<i>миңденек</i>	<i>миңдодонк</i>
	<i>kořazanäk</i>		<i>miñdesanäk</i>	<i>miñek eše</i>	<i>мишьсэнек</i>	<i>мишьцонк</i>
	<i>(miñ) ešanäk</i>		<i>tesanäk</i>	<i>ešeñek</i>		
Элат.	<i>miñ eđanäk</i>	<i>miñ ešeneğ</i>	<i>miñdestanäk</i>	<i>miñek ešte</i>	<i>мишьстэнек</i>	<i>мишьцонк</i>
	<i>eštanäk</i>		<i>testanäk</i>	<i>miñeksedešt</i>	<i>мишьзэнек</i>	
Иллат.	<i>miñ langiziñik</i>		<i>miñdezanäk</i>			
	<i>langiziñäk</i>					
Пролат.	<i>(miñ) langanäk</i>				<i>мишьганок</i>	
Компар.	<i>(miñ) eškanäk</i>				<i>мишьшканок</i>	<i>мишьшканок</i>
Трансл.	<i>miñ gořazanäk</i>				<i>мишьксэнек</i>	
	<i>kořazanäk</i>					
Абесс.	<i>miñ(f) temanäk</i>	<i>miñfemenek</i>	<i>miñfemanäk</i>	<i>miñekteme</i>	<i>мишьтеменек</i>	<i>мишьфтомонк</i>
Казуат.	<i>miñfätomanäk</i>		<i>miñekf temä</i>	<i>miñfemenek</i>		
	<i>(miñ) iñksanäk</i>			<i>miñdeksanäk</i>		
Ном.	<i>tijñ</i>	<i>tijñ</i>	<i>tijñ</i>	<i>tijñ</i>	<i>тынь</i>	<i>тынь</i>
Ген.	<i>tijñ</i>	<i>tijñk</i>	<i>tijñk</i>	<i>tijñk</i>	<i>тынк</i>	<i>тынь</i>
Дат.	<i>tijñde(je)ñk</i>	<i>tijñde(je)ñk</i>	<i>tijñdenk</i>	<i>tijñenk</i>	<i>тыненк</i>	<i>тыңдейт</i>
	<i>tejeñte</i>	<i>tejeñk(e)</i>	<i>fenk</i>	<i>te(je)ñk</i>		<i>тейт</i>
	<i>tijñdejent</i>	<i>fenk</i>				

Абл.	<i>tij̄ gorazink</i> <i>korazink</i>				тындедонт
Инесс.	(<i>tij̄</i>) <i>esenk</i>				тыньцонт
Элат.	(<i>tij̄</i>) <i>edenk</i>				тыньцонт
Иллат.	(<i>tij̄</i>) <i>langizant</i>		<i>tj̄ndesank</i>		тыньшкант
Пролат.	(<i>tij̄</i>) <i>langant</i>		<i>tj̄ndestank</i>		
Компар.	(<i>tij̄</i>) <i>eskan</i>		<i>tj̄ndezank</i>		
Трансл.	<i>tij̄ gorazank</i> <i>korazank</i>				тыньшкант
Абесс.	<i>tij̄nfemant</i> <i>tij̄nfemank</i>	<i>tij̄nfamank</i>	<i>tij̄nfemank</i> <i>tij̄nfemə</i> <i>tij̄ndiksank</i>		тыньфтомонт
Каузар.	(<i>tij̄</i>) <i>inkasant</i>				
Ном.	<i>siñ</i>	<i>siñ</i>	<i>siñ</i>	<i>siñ</i>	синь
Ген.	<i>siñ</i>	<i>siñ</i>	<i>siñst</i>	<i>siñst</i>	синь
Дат.	<i>siñdenə</i> <i>siñdejest</i> <i>fejest</i>	<i>siñest</i> <i>te(je)st</i>	<i>siñest</i> <i>fest</i>	<i>siñest</i> <i>fejest</i>	сиңдейст тейст
Абл.	<i>siñ gorazist</i> <i>korazist</i>				сиңдест
Инесс.	(<i>siñ</i>) <i>esest</i>		<i>siñdesest</i>		сиңцост
Элат.	(<i>siñ</i>) <i>edest</i>		<i>siñdestest</i>		сиңцост
Иллат.	(<i>siñ</i>) <i>langizist</i>		<i>siñdezest</i>		сиңшкост
Пролат.	(<i>siñ</i>) <i>langant</i>				
Компар.	(<i>siñ</i>) <i>eskast</i>				
Трансл.	<i>siñ gorazist</i> <i>korazist</i>				сиңшкост
Абесс.	<i>siñnfemast</i> <i>siñnfemest</i>	<i>siñnfemast</i>	<i>siñnfemast</i> <i>siñstfeme</i> <i>siñdiksast</i>	<i>siñnfemest</i> <i>siñstfeme</i>	сиңфтомост
Каузар.	(<i>siñ</i>) <i>inkast</i>				

тива и генитива в парадигме с мокшанской основой, что усиливает информативность личных местоименных форм, возникших на основе смешения эрзянской и мокшанской парадигм.

В мордовских литературных языках датив имеет следующие формы: эрз. *монень* 'мне', *тонеть* 'тебе', *сонензэ* 'ему', *миненек* 'нам', *тыненк* 'вам', *сынненст* 'им'; мокш. *мондейне*, *тейне* 'мне', *тондейть*, *тейть* 'тебе', *сондейнза*, *тейнза* 'ему', *миндейнек*, *тейнек* 'нам', *тиндейнтъ*, *тейнтъ* 'вам', *синдейст*, *тейст* 'им', для 2 л. мн. ч. эрзянского литературного языка дается краткая форма *тень* (Грамматика 1962 : 226—227). Нам представляется, что эта форма для 2 л. мн. ч. приведена ошибочно, так как *тень* — краткая форма для 1 л. ед. ч. Если же говорить о краткой форме 2 л. мн. ч., вероятнее всего, это будет *тенк*, о чем свидетельствуют данные описываемых говоров. Да и сами авторы «Грамматики» на с. 229 пишут, что в дательном падеже, кроме основных форм, употребляются ... в единственном числе эрз. *тень* вместо *монень* ... На этой же краткой форме *теñ* 'вам' останавливается Б. А. Серебренников, почерпнувший, по всей вероятности, данные из «Грамматики мордовских языков» (с. 226). Б. А. Серебренников пишет, что непосредственно из *tynnennk* эту форму вывести невозможно (1967 : 87). Закономерности развития мордовских языков не допускают употребления формы *теñ* для 2 л. мн. ч. Ее легко вывести из 1 л. ед. ч., а именно — из послелога *tej* + притяжательный суффикс 1 л. ед. ч.: *tej + n > tejeñ > теñ*.

Сравнение с литературными языками показывает, что в анализируемых говорах отмечается синонимичность форм датива. Только в говоре Узюк. для 1 л. ед. ч. имеется восемь форм этого падежа. На паритетных началах употребляются как первостепенные формы (*моñеñ*, *моñе*, *моñдеñ*, *моñдеñе*, *моñде*), так и второстепенные (*теñ*, *теjeñ*, *еñтеñе*). Формы датива *теñ*, *теjeñ* — суплетивные образования от послеложной основы (Майтинская 1964 : 51). Корень падежных форм *теñ*, *теjeñ* Паасонен сопоставляет с фин. *tyvi*, венг. *tő*, коми3 *din*, удм. *din* 'основа, корень' (Paasonen 1909 : 140). Следовательно, эти местоимения образовались путем прономинализации неместоименных форм. К. Е. Майтинская называет эти местоименные формы краткими (Майтинская 1964 : 51).

Собственно-личная падежная форма *моñеñ* состоит из исходной формы *тон* + суффикс датива *-ñеñ*. После упрощения *nñ* возникло совр. *моñеñ* (Серебренников 1967 : 84). *моñе* — усеченная форма датива. В исследуемых говорах такие же формы датива встречаются и у существительных (*паксаñе* 'полю', *тефаñе* 'отцу', *велене* 'селу'). *тоñет* 'тебе', по мнению Б. А. Серебренникова, восходит к *ton-ne-nt* (Серебренников 1967 : 84), где *t* — показатель лица, *-ñен* — формант датива. Такую же модель имеют местоимения 3 л. ед. ч. *соñенда*, 1 л. мн. ч. *миñеñек*, 2 л. мн. ч. *тиñенк* и 3 л. мн. ч. *сиñенст*. Для 2 л. ед. ч. в Узюк. имеется и усеченная форма *тоñе*. Все эти формы характерны для эрзянского литературного языка или диалектов и говоров.

Падежные формы *моñдеñ*, *тоñдет*, *соñденза*, *соñдеjenза*, *миñдеñек*, *тиñденк*, *тиñдеjинт*, *сиñденст* представляют собой сочетание генитивной формы соответствующего личного местоимения, послелога *теñ* 'к' и посессивного суффикса соответствующего лица. Послелог *теñ* в формах датива выступает в вариантах *де~деji~деje*. Местоименные формы датива, таким образом, хорошо сохранили более древнюю структуру и служат доказательством того, что датив существительного и местоиме-

ний является послеложным образованием. А в современных эрз. *moñeñ toñet*, *soñenzę* и т. д., на первый взгляд, трудно обнаружить послелог. Только благодаря сохранению его в мокшанских формах и в формах смешанных говоров мы можем проследить историю этих форм. Озвончение *t* после сонорного закономерно (Майтинская 1964 : 51). В дативной форме *moñdeñe* Б. А. Серебренников рассматривает *-ñe* как вариант притяжательного суффикса 1 л. ед. ч. (1967 : 84). По всей вероятности, аналогично с *moñdeñe* образовалась в В. Санч. и форма *toñdete* 'тебе'. *moñde* — усеченная форма датива *moñdeñ* или *moñdeñe*.

Интересно, что в говорах заметно стремление к сокращению производительных затрат: упрощение форм, употребление минимума формантов (*moñde*, *moñe*, *teñ*, *tejeñe* и т. д.), что наблюдается и в других говорах и диалектах (Надькин 1968 : 159; Тураева 1973 : 83; Ломакина 1975 : 20).

В Подст. во 2 л. ед. ч. в дативе конечный согласный не имеет палатальности: *toñdet*, *tet*, *işfet* 'тебе'. Это же явление наличествует в форме *tejent* 'тебе' у носителей В. Санч. Здесь, очевидно, сохранилась более древняя форма.

Во всех анализируемых говорах 2 л. мн. ч. имеет окончание *-nk*, а не *-nt* — показатель лица, как в мокшанском литературном языке. И только две формы (*tiñdejent* и *tejeñte*) обнаружены в В. Санч. с *-nt*. Это говорит о том, что эрз. *-nk* почти полностью вытеснил мокш. *-nt*. Формант *-k* исторически восходит к суффиксу, который выражает множественность обладателей. То же наблюдается в верхнеалатырских говорах Горьковской области (Ананьина 1974 : 15). По сравнению с мокшанским литературным языком у местоимений в дативе во всех лицах, кроме 1 л. ед. ч., фигурирует вставочный гласный *-e*. Например: мокш. *тондейть*, *тейть*, анализируемые говоры *fejjet*, *fejete* 'тебе'; мокш. *сондейнза*, *тейнза*, говоры *soñdejenza*, *fejendza* 'ему'; мокш. *миндейнек*, *тейнек*, говоры *miñdejeñek*, *tejeñek* 'нам'; мокш. *тиндейть*, *тейть*, говоры *tiñdejenk*, *tejeñte* 'вам'; мокш. *синдейст*, *тейст*, говоры *siñdejest*, *fejest* 'им'.

В местоименных формах датива гласный *-e* после *j*, возможно, появился для устранения стечения согласных между морфемами — послелогом *fej* и соответствующим суффиксом.

Синтетические формы аблатива, инессива, элатива, иллатива, пролатива, компаратива от основ личных местоимений в исследуемых говорах почти не употребляются, за исключением Подст. Вместо них выступают аналитические формы: генитив личного местоимения † послелоги *esə*, *koras*, *langa* (*nanga*), *lacə*; параллельно им могут употребляться синтетические формы, основой которых являются послелоги, осложненные личными суффиксами: *ędin* 'обо мне', *ęsan* 'у меня', *langan* 'по мне', *ęskat* 'с тебя', *ęstandzə* 'от него', *kořazanək* 'о нас', *nangat* 'о тебе' и т. д.

Интересна по составу местоименная форма аблатива *miñekşedešť* 'о нас' (Лопат.). Она возникла на основе местоимения *miñek*, присоединенного к нему посредством интерфикса указательного местоимения *şe*, суффикса аблатива *-de* и послелога *ęste*. В результате ряда фонетических преобразований *miñek-e-şe-de-ęste* > *miñekşedešť* получили современную форму аблатива. Аналогичные формы, только в парадигме указательного склонения существительного, отмечены Д. В. Цыганкиным

(1978 : 25). В том же говоре сохранилась древняя форма послелого *esne*, к которой присоединяется лично-притяжательный суффикс *-n* и дает форму 1 л. ед. ч. *esnen*.

В Подст. параллельно с послелогоми в значении личных местоимений, снабженных лично-притяжательными суффиксами, широко употребляются синтетические формы инессива, элатива, иллатива от основ личных местоимений: *esəndzə* и *soŋdesəndzə* 'в нем', *soŋdestəndzə* и *təstəndzə* 'от него', *soŋdezəndzə* 'в него' и т. д. Иллатив здесь не имеет параллельного послеложного образования в значении личных местоимений. Любопытна структура этих форм: датив личного местоимения + падежный аффикс + посессивный суффикс (*toŋde + sə + t*, где *toŋde* — усеченная форма датива, *-sə* — падежный суффикс и *-t* — посессивный суффикс). В данном говоре образователем косвенных падежей служит датив. Это же характерно для существительного в указательном и притяжательном склонении: *šilmežeŋdisa* 'в глазу моем', *šilmežeŋdista* 'из моего глаза', *šilmežeŋdis* 'в мой глаз'.

Абессив имеет соответствия во всех говорах. В В. Санч. он в 1 л. ед. выступает в четырех вариантах: *moŋštemən*, *moŋštemen*, *moŋteme*, *moŋšteman*. Формант абессива во всех лицах присоединяется к генитиву личного местоимения. В 1 и 2 л. ед. ч. формант лица выступает во всех этих говорах в твердом варианте. В Лопат. и Подст. параллельно с *miŋtemeŋek*, *tiŋtemenk*, *siŋštemest*, *siŋtemest* (основа местоимения + суффикс абессива + соответствующий притяжательный суффикс) встречаются и *miŋekteme*, *tiŋkteme*, *siŋsteme*. Эти падежные формы местоимений имеют другую структуру: основа местоимения + соответствующий притяжательный суффикс + суффикс абессива. Такова же структура абессива в данных говорах и у существительного в указательном и притяжательном склонениях: *veŋštəma* 'без того леса', *avačeŋštəma* 'без твоей матери' и т. д.

В В. Санч. и Подст. наличествует каузатив. Он имеет соответствия только в юго-западном диалекте мокшанского языка (Деваев 1963 : 372; Липатов 1977 : 33). В Подст. каузатив образуется на основе датива, как инессив, элатив и иллатив: *moŋdiksən* 'из-за меня, за мной', *toŋdiksət* 'из-за тебя, за тобой', *soŋdiksəndə* 'из-за него, за ним' и т. д. Это еще раз подтверждает мнение лингвистов, что каузатив — падеж позднего образования.

В говоре В. Санч. наряду с *moŋ inksən*, *toŋ inksət*, *soŋ inksəndzə* и т. д. значение каузатива передается послелогом *inksə* 'ради' в лично-притяжательной форме: *inksən* 'из-за меня, за мной', *inksət* 'из-за тебя, за тобой', *inksəndzə* 'из-за него, за ним'.

В заключение следует сказать, что парадигмы личных местоимений смешанных говоров отличаются многообразием форм. Это обусловлено наличием в них форм как эрзянского языка, так и мокшанского. В одних говорах предпочитают мокшанские формы, в других — эрзянские, в Подст. и Узюк. мокшанские и эрзянские формы употребляются на паритетных началах.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьина К. И. 1974, Верхнеалатырские говоры мокшанского языка. Автореф. канд. дисс., Тарту.
 — 1977, Местоимения в говорах мокша-мордовского языка. — Вопросы морфологии эрзянских и мокшанских диалектов (словоизменение и словообразование), Саранск, 45—53.

- Бабушкина Р. В. 1966, Темяшевский диалект мокша-мордовского языка. — ОМД IV, Саранск, 16—225.
- Бубрих Д. В. 1930, Звуки и формы эрзянской речи по говору с. Козловки, Москва.
- 1953, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск.
- Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков I. Фонетика и морфология, 1962, Саранск.
- Деваев С. З. 1963, Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка. — ОМД II, Саранск, 261—432.
- Ермушкин Г. И. 1968, Северо-западные говоры эрзя-мордовского языка. — ОМД V, Саранск, 318—382.
- Липатов С. И. 1977, Местоимения и их формы в диалектах мокшанского языка. — Вопросы морфологии эрзянских и мокшанских диалектов (словоизменение и словообразование), Саранск, 31—45.
- Ломакина Т. И. 1975, Городищенский диалект мокша-мордовского языка. Автореф. канд. дисс., Тарту.
- Майтинская К. Е. 1964, Местоимения в мордовских и марийских языках, Москва.
- 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
- Надькин Д. Т. 1968, Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка. — ОМД V, Саранск, 3—198.
- Реден К., Эрдей И. 1974, Сравнительная лексика финно-угорских языков. — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва, 397—438.
- Серебренников Б. А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Тураева Л. И. 1973, Эрзянские говоры верховьев рек Черемшана, Шешмы и Кичюя на территории Татарской АССР (Морфология). Автореф. канд. дисс., Тарту.
- 1973, Эрзянские говоры верховьев рек Черемшана, Шешмы и Кичюя на территории Татарской АССР (Морфология). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск (Рукоп.).
- Феоктистов А. П. 1963, Категория притяжательности в мордовских языках, Саранск.
- Цыганкин Д. В. 1978, Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности — неопределенности и притяжательности), Саранск.
- Paasonen, H. 1909, Mordwinische chrestomathie mit glossar und grammatikalischem abriß, Helsingfors.

NINA AGAFONOVA (Tartu)

DAS PERSONALPRONOMEN IN GEMISCHTEN ERSÄNISCH-MOKSCHANISCHEN MUNDARTEN

In diesem Beitrag wird die Flexion der Personalpronomina in den Mundarten der Dörfer Lopatino (ersänischer Grund) und Uzjukovo, Podstepki, Verchneje Sančelejevo (mokschanischer Grund) im Stavropoler Rayon des Kujbyšever Gebiets behandelt. Das ganze dargebotene Material wird mit Angaben aus den Literatursprachen und anderen Mundarten verglichen. Zur Flexion der Personalpronomina werden die folgenden Eigentümlichkeiten angeführt:

- 1) Die 2. und 3. Pers. Sing. haben in allen Mundarten den ersänischen Klang.
- 2) Der Genitiv Plural hat für alle Personen sowohl ersänische wie auch mokschanische Formen.
- 3) Der Genitiv der 2. Pers. Sing. hat in der Mundart der Dörfer Podstepki und Lopatino die Form *toñl'*, die ein Possessivsuffix enthält.
- 4) In den behandelten Mundarten hat der Dativ sehr verschiedene Formen. In den Mundarten werden parallel alle erst- und zweit-rangigen Formen gebraucht, z. B. *moñeñ, moñe, moñd'eñ, moñd'eñe, moñd'e, bzw. t'eñ, t'ejeñ, gšl'eñe*.
- 5) In der Mundart des Dorfes Podstepki werden synthetische Formen des Inessivs, Elativs und Illativs gebraucht, die aus dem Dativ gebildet worden sind.
- 6) Der Abessiv in der Mundart der Dörfer Lopatino und Podstepki wird auf zweierlei Weise gebildet: a) Grundform des Pronomens + Abessivsuffix + entsprechendes Possessivsuffix; b) Grundform des Pronomens + Possessivsuffix + Abessivsuffix.
- 7) In der Mundart der Dörfer Sančelejevo und Podstepki gibt es einen Kausativ.